Знахарка

Автор:
Максим Горький

Знахарка

Максим Алексеевич Горький

Заметки из дневника. Воспоминания #5

«На завалине ветхой избы сухонький старик Мокеев, без рубахи, греет изношенную кожу свою на ярком солнце июня, чинит бредень крючковатыми пальцами. Под кожей старика жалобно торчат скобы ключиц, осторожно двигаются кости ребер…»

Максим Горький

Знахарка

На завалине ветхой избы сухонький старик Мокеев, без рубахи, греет изношенную кожу свою на ярком солнце июня, чинит бредень крючковатыми пальцами. Под кожей старика жалобно торчат скобы ключиц, осторожно двигаются кости ребер.

День – великолепен; честно работает солнце, отлично пахнет цветущая липа, в жарком воздухе – тихая музыка: гудят пчелы, во дни косьбы они трудятся как будто особенно упорно.

– Прохожий один сказывал, – сипит Мокеев, – дескать, человечье житье – благо, и выходит так, что не одни господа, а всяк человек, хоша бы и мужик тоже – благородие. А мы говорим: благой, так это будет несуразен, буен, – нехорош, стало быть. У нас всё – по-своему…

Он уже с полчаса упражняется в словесности, и его сиплое воркованье хорошо слито с тихим гулом пчел, с чириканьем воробьев, с песнями невидимых жаворонков. Из-за речки доносится звон кос, шарканье точильных лопаток, но все эти звуки не мешают слышать спокойную тишину синего, благоуханно чистого, очень высокого неба. Все вокруг по-русски просто и чудесно.

– Князья-то, Голицыны-то, конешно – князи; тут как хошь дрягайся, оно так и будет – князи! Я и вначале внушал мужикам – бросьте, али князей пересудишь? А Иваниха натравила их, мужиков… Здорово, Иваниха!

Неслышно подойдя, с нами поравнялась коренастая баба в темном сарафане, в синем платке на уродливо большой голове, с палкой в одной руке, с плотной лыковой корзиной в другой; корзина полна пахучими травами, кореньями. С трудом приподняв тяжелую голову, баба глухо и сердито ответила:

– Здравствуй-ко, болтун…

Ее грубое, мужское лицо, скуластое и темное, украшено седыми усами, исчерчено частой сетью мелких морщин, шеки ее обвисли, как у собаки. Коровьи глаза мутны, красные жилки на белках делают взгляд ее угрюмым. Пальцы левой руки непрерывно шевелятся, я слышу сухой шорох их кожи. Указав на меня палкой, она спросила:

– Это кто?

Мокеев стал многословно объяснять, что я приехал от адвоката, по делу деревни с князьями Голицыными, что в воскресенье будет мирской сход, – не дослушав его, старуха осторожно склонила голову и дотронулась палкой до моего колена.

– Зайди ко мне.

– Куда?

– Скажут. Через часок…

И пошла прочь, странно легко для ее возраста и тяжелого, неуклюжего тела.

С тою гордостью, с какой старики в деревнях рассказывают о своем, необыкновенном, Мокеев рассказал мне, что Иваниха – знахарка, известная всему уезду:

– Ты только не считай, что ведьма, – нет, это у ней от бога! Ее и в Пеньзю возили, девицу лечить безногу, дак она безногу эту сразу – замуж! И пошла ведь девица, пошла, братец мой! «Дураки, – говорит родителям ейным, – детей, говорит, родите, а – для чё, не знаете». А родители – пребогатые фабриканты. Скота, человека, даже гуся, куру – она всех лечит, ей все едино. В Нижний требовали: обмер там чей-то мальчик и лежит, недели две лежал, хоть в землю закопать! А она ему где-то иглой уколола, дак он к потолку взвился, мальчонко-то, ей за то – двадцать пять рублев да шерстяное платье – получи!

– У нас она – первый человек, ее и на сходе уважают, слушают, даже становой боится. Она ему три зуба выдрала с корнями, дак корни-те по вершку оказались и с крючьями на концах. Никто не мог выдрать их, а она – все может! Она – бесстрашной жизни и всем тайностям владыка. Взглянет на тебя да как спросит внезапу: «Ты чего думаешь?» Дак ты ей тут, в душу твою, как дверь отворишь: на, гляди!

Мокеев начал говорить с хвастливой гордостью, но скоро, понизив сипучий старческий голосок, он сказывал уже со страхом. Крючковатые пальцы его, запутавшись в нитях невода, перестали работать, бессильно легли на острые колени.

Я узнал, что Иваниха – дочь некрещеного мордвина, охотника на медведей и колдуна, убитого во время мордовского движения сороковых годов.

– Отец-то ее самому Кузьке, мордовскому богу[1 - В 50-х годах XIX столетия мордвин Кузьма пытался развить культурно-национальное движение среди мордвы – мокши и ерзи, – населяющей Нижегородскую губернию. – Примеч. М. Горького.], бунтарю, приятелем был…

После смерти отца Иваниха осталась подростком-сиротою, ее окрестили, когда она была уже взрослой девицей, и вскоре после этого на ней женился лесник.

Три года она, бездетно, прожила с ним, а на четвертый, весною, лесника задрал медведь. Иваниху оставили в лесной сторожке, и она начала бить медведей, –

леса Сергача славились обилием этого зверя, и до семидесятых годов XIX века мужики-«сергачи» были лучшими дрессировщиками и «поводырями» медведей на всю Россию. Била Иваниха зверя «по-мордовски»: обкладывала правую руку лубками, окручивала ее, до плеча, сыромятным ремнем, в кисть брала нож, а в левую руку – короткую, вроде тяпки, секиру. Когда зверь шел на нее, разинув пасть, она била его тяпкой по лапам и, сунув нож в пасть, вспарывала горло медведю.

– Эдак только мордва била медведей, это требует силы зверячьей. Семнадцатый зверь все-таки ребро ей вышиб, а тридцать который-то шею свернул ей несколько, – видал ты, как неладно она шеей владает? От этого. До сорокового зверя она не дошла, забоялась, сороковой медведь – сроковой, судьбинный охотнику, редкие от него уходят живы. Это всему миру известно – сороковому медведю указан срок жизни охотника.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

В 50-х годах XIX столетия мордвин Кузьма пытался развить культурно-национальное движение среди мордвы – мокши и ерзи, – населяющей Нижегородскую губернию. – Примеч. М. Горького.

Купить: https://tellnovel.com/maksim-gorkiy/znaharka

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити